

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 142 (6745)

25 мая 1936 г., понедельник

ЦЕНА 10 КОП.

Массовые национальные игры казахской молодежи, показанные во время декады казахского искусства в Москве артистами Казахского государственного музыкального театра и Казахской государственной филармонии.

Декады казахского искусства в Москве артистами Казахского государственного музыкального театра и Казахской государственной филармонии. Фото С. Бардукова и Д. Вурова.

Казахский концерт в Большом театре

Позавчера вечером мы были в стенах. Видели степи, слышали горы. Спокойная, как песни, струилась река.

Были праздники. На площадке перед аулом собрались талантливейшие певцы, музыканты, рассказчики и танцоры казахского народа.

«Сары-Арқа» («Широкая степь») — так называлась песня, которую запели певцы. Музыканты играли без нот, но как слышно, выразительно и свободно звучал оркестр, исполнявший песни талантливого Курмангали. Были здесь и прекрасные казахские восточные танцы, песни жадника, затерявшегося в просторах, голос ругача и вальс орла в вышине.

А когда музыканты заиграли «Бобыл Шашканды» и над степью повзвизгали гибкие дробные голоса, чуть горючие и грустные, захотелось отыскать глазами певца. Но певца пока не было. Пели, понылись слышались, уныло, выслушавшие солнцем скрипки — бобыл.

Потом раздались голоса оловянка. И тот, кто слушал его горючие везелье ругача, закрыл глаза, снова открыл. Не оловянка, а Бейсембаев Жыял — молодой солист казахской филармонии пел на этот раз чудесно народную песню. Легко человеческому горлу стереть птице. Но как свободно и гибко звучал голос певца. Овладела казахский народ — обладатель тысяч голосов.

... — И танцоров. — добавили невольно артистам, дружно встречая Шара Жадырбекову.

Как не танцевать был этот широчайший, грациозный танец на податливых, спелых дробных «восточных» вальсах. Желтое платье Жадырбековой носилось, как птица. А над танцором откинулся чепчик косы и легкая ладонь руки, выразитель-

ные то радость, то слушание, то восторг, то испуг. Так грациозен и весел был этот короткий танец, что артисты заставили Жадырбекову сплясать еще раз.

Казахское, трудно будет петь после Бейсембаева или плакать после Шара, но достойные силы нашлись. Только три песни спела заслуженная артистка Казахской республики Куляш Байжанова, но спела так, что ее готовы были слушать весь вечер.

Смелость, с которой казахские певцы пользуются своими голосовыми возможностями, широтность в выборе оттенков и непринужденная легкость исполнения — верные спутники большого искусства.

Замечательно танцевали вчера малыши вальс из «Спящей красавицы». Эти слабые черноглазые ребята, чуть смущенные встречей, исполнили вальс со всей серьезностью отличников хореографической школы. Никто из традиционных малышей ни разу не сбился с такта.

... Уже наступала ночь, но из аулов продолжала собираться на праздник молодежь. Широкий поток, с песнями, казахи входили на площадку и располагались вокруг шести кольев, образующих чачек.

Это был праздник песни, плясок и восточных танцев, где, как музыка, звучали радужные шелка платьев, красный бархат шаровар, золотые вышивки, меховые шапки и черные косы.

Две девушки, выйдя за шесты вперевод и уперевшись подошвами, стали раскачиваться на чачеках. Они качались и пели. Это была ритмичная, звучная песня о восточной весне, о богатстве казахских степей.

Казахская молодежь оказалась настоящей выдумкой. Когда песня умолкла, на площадку выскочил оркестр — и начал

играть на котором под музыку стали танцевать парнишки. Лихие джигиты, фантастические лошади, несуровые козлы издали отдаленные колодези и прыжки, заставляли хохотать и стариков и детей.

Потом, также под музыку, ритмично раскачивались, борзели сызлы. Потом выскочили два зайца. Веселая толпа встретилась с ними в степи, не подозревая опасности, не зная тени от широких крыльев орла. Это была старая охотничья игра. Орел с колодези-козырьком над глазами, хищный, коричневый, цепкий съел свою жертву и поставил в горы.

Не успела подняться толпа обсудить этот трагический случай, как снова раздался смех. Заслуженный артист Буваншбаев хастерки рассказывал о старике и старухе, выживших накануне. Его потянуло липо то охотилось торжественной улыбкой, то ворочилось в недовольной старушечьей гримасе. Он плакал, смеялся, потрясал штаны, собаку, теленка. Хотел долго не смолчать выругать талантливого рассказчика.

Отаруха, которую изображал Буваншбаев, хотела поздравить дочку жениха по дороге вступу. Но девушка сама нашла себе слов...

Раскачивались шестикольевые, и жених с невестой (артисты Куляш и Камарал Байжановы) торжественно песни откликнулись на порочные старухи.

Наступила ночь, но неостановились на выдумку казими затронули все песни и комедии игры. Невесте повалили глаза. Вдруг все танцевала толпа. В этой сумятице молодой толпы, среди сотен веселых голосов, невеста должна была отыскать жениха. Громоздкая и быстрая, она танцевала с ослепительными глазами, раскатыв ноги и руки. Невесте ошиблись: она собирала другого джигита.

Никто не хотел уходить участливо. Хорошо бы теперь в ночной прохладе послушать певцов. Кто-то крикнул: Аким! Аким! Сетям голосов возмущали требования. В казахских степях любят слушать импровизаторов-певцов.

Но плечах шлоел дух внимания. Они были на податливых, выделенных нестерпимой толпой, в немощной суровости не поспевали друг за другом. Они были современники.

Завыл певец. Сильный голос его излучил тончайшие струи. Он пел, используя все свое обширное дыхание, все ноты, до которых мог достать его натренированный голос. Он разгорячился все больше и больше и, наконец, умолк.

Тогда выступил второй. Голос его был негромкий и слышен тауколом. Прочие силы он выслушал торжественно и серьезно. Он был певцом и виртуозом-танцором. Так, что неслыханно смелости. — но человеческим убедительным ритмом ритмично струны. Легкая рука его носилась вдоль грифа, точно было слышно шорох.

Никто из слушателей не мог решить — кто же из актеров спел лучше. Было тихо и слышно. Вдруг пошел по игре. Кто-то предложил спеть хором и разойтись по аулам.

... Мы были в стенах. Видели блестящую реку. Величаво и свободно носилась над прихитренной степью песня о счастье народа, песни, посвященные Отарухе.

И вдруг запылал свет. Света пришло. Отдал оловянка. Видели блестящую реку. Величаво и свободно носилась над прихитренной степью песня о счастье народа, песни, посвященные Отарухе.

Театр был полон. Песней, смехом, криками «ура!» духом приветствовали Отаруху, сдержанно в зале у сцены.